

царственно высится за стеклами, уходит острием в чистую прозрачную и бездонную куполообразную синеву, где белеет, серебрится широко раскинутое созвездие Ориона, а ниже, в светлой пустоте небосклона, остро блещет, содрогаются лазурными алмазами великолепный Сириус, любимая звезда матери” (Цит. по: Бунин И.А. Собр. соч.: В 4 т. М., 1988).

Сириус станет и любимой звездой Бунина, о которой он напишет стихотворение-романс:

Где ты, звезда моя заветная,
Венец небесный красоты?
Очарованье безответное
Снегов и лунной высоты?

(“Сириус”)

Возможно, Сириус, звезда Изиды, древнеегипетской богини плодородия, особо привлекал Бунина и как символ эроса творческого.

Контраст между вечной красотой звезд и быстротечной красотой жизни земной – молодостью, любовью, приходящими на миг и уходящими навсегда, контраст между Божеским и человеческим, пронизывает острой болью стихи и прозу Бунина:

Как ныне я, mirьяды глаз следили
Их древний путь. И в глубине веков
Все, для кого они во тьме светили,
Исчезли в ней, как след среди песков:
Их было много, Нежных и любивших,
И девушек, и юношей, и жен,
Ночей и звезд, прозрачно-серебривших
Евфрат и Нил, Мемфис и Вавилон!

“Ночь”

И все же не только боль, но и дерзновенная надежда:

И быть может, я пойму вас, звезды,
И мечта, быть может, воплотится,
Что земным надеждам и печалям
Суждено с небесной тайной слиться!

(“Не устану воспевать вас, звезды...”)

Через образы звезд приходит чувство небесной тайны, чувство Бога. Так, в стихотворении “Бог” читаем:

Он в ветре был, в моей душе бездонной –
И содрогался синим блеском звезд
В лазури неба, чистой и огромной.